

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

ТАНГУТЫ в Центральной Азии

*Сборник статей
в честь 80-летия
профессора Е.И.Кычанова*

МОСКВА
Издательская фирма
«Восточная литература»
2012

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
Т18

*Издание выполнено при поддержке
Фонда Цзян Цзин-го
(Chiang Ching-kuo Foundation for
International Scholarly Exchange), Тайвань*

Составитель и ответственный редактор
И.Ф. Попова

Тангуты в Центральной Азии : сб. ст. в честь 80-летия проф. Е.И. Кычанова / сост. и отв. ред. И.Ф. Попова ; Ин-т восточных рукописей РАН. — М. : Вост. лит., 2012. — 501 с. : ил. — ISBN 978-5-02-036505-6 (в пер.)

Сборник, в который вошли статьи отечественных и зарубежных ученых, посвящен 80-летию известного российского востоковеда, доктора исторических наук, профессора Е.И. Кычанова. Проблематика сборника задана основными доминантами многолетнего исследовательского творчества юбиляра, который, являясь в первую очередь тангутоведом и опираясь на широчайшую источниковедческую базу, блестяще разработал многие актуальные проблемы истории государственности, права, этногенеза, письменного наследия народов Китая и Центральной Азии. Большинство авторов статей постарались показать, как вопросы, поставленные в свое время в работах Е.И. Кычанова, получили дальнейшее развитие в науке.

ISBN 978-5-02-036505-6

© Институт восточных рукописей РАН, 2012
© Редакционно-издательское оформление.
Издательская фирма
«Восточная литература», 2012

В.Е. Ларичев

**Святилище Их Тэнгэрийн-ам времени
«Небесной империи» и раннего железного века
(к проблеме устойчивого сохранения культово-религиозных
традиций кочевников Центральной Азии)**

Несколько слов о былом. Глубокий интерес представителей русского востоковедения к истории кочевых народов Северной и Центральной Азии, а также пустынно-степной части Китая восходит к XVIII в. и с исчерпывающей полнотой раскрылся в последующие два века. Имена выдающихся деятелей востоковедения России, историков, этнографов, языковедов и в особенности высокого класса переводчиков сложнейших для точного прочтения текстов летописных хроник составили целую когорту мощного научного сообщества, которое по высокому уровню компетентности ни в чем существенном не уступало западноевропейским и заокеанским центрам изучения народов Востока.

Рано сложившиеся традиции подготовки специалистов по истории, культуре и филологии стран Азии сохранялись, успешно преодолевая всякого рода политические и экономические неурядицы в Отечестве, до середины прошлого века. Главную роль в этом сыграли два взаимосвязанных и взаимодополняющих востоковедных центра страны: Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР (ныне — Институт восточных рукописей РАН) как учреждение исследовательское и Восточный факультет Ленинградского государственного университета как учреждение образовательное, рано сложившаяся национальная школа подготовки кадров для соответствующего профиля академических институтов страны и государственных служб, административных и политических.

Обо всем этом я вспомнил вот по какому случаю. Когда в середине прошлого века в связи с образованием Китайской Народной Республики возникла проблема подготовки специалистов для налаживания всестороннего сотрудничества с нашим великим соседом, то декан Восточного факультета и заве-

© Ларичев В.Е., 2012

дующий кафедрой истории Дальнего Востока Г.В. Ефимов разработал и летом 1950 г. успешно осуществил уникальный образовательно-научный проект приема на обучение беспрецедентно большого числа студентов по истории, культуре, филологии и литературоведению Китая. Под личный контроль он поставил зачисление 18 абитуриентов в группу истории Китая. Среди счастливцев оказался и Женя Кычанов, приехавший в Северную столицу из провинциального Сарапула. Теперь ему как юбиляру с полным на то правом посвящается этот сборник, ибо он высокопочитаем в кругах востоковедов страны и зарубежья. По тому же поводу, с теми же чувствами и я посвящаю ему эту статью, написанную в память о волнующих днях сдачи приемных экзаменов в элитный (как теперь принято говорить) вуз, о счастливом зачислении в «группу 18-ти», о пяти незабываемых годах совместного дружеского бытия в стенах любимой *alma mater*, Восточного факультета, о его славной книжными богатствами библиотеке и проживании в шумно-многолюдных комнатах студенческих общежитий на Мытнинской набережной, Охте и во внутреннем дворе факультета в завершающий год учебы.

Не для красного словца сказано выше о «счастливицах», удостоенных чести учиться в группе истории Китая. Всем нам щедро предоставили (как и обещали при собеседовании) возможность прослушать курсы лекций выдающихся ученых исследовательских институтов и вузов Ленинграда. Что касается собственно истории Востока, то тут достаточно упомянуть академика В.В. Струве и профессора Н.В. Кюнера, старейшего и опытнейшего знатока китайских летописных хроник в части истории народов Маньчжурии, российских Приморья и Приамурья, а также материально-духовной культуры древнего Китая. Думаю, что если около половины из тех 18 студентов стали в последующем докторами разных отраслей исторических наук, то конечный результат проекта Г.В. Ефимова и Л.А. Березного, наших кураторов в 1950–1955 гг., нельзя не признать триумфальным. Помимо того что отдельные выпускники Восточного факультета первой половины 50-х годов прошлого века влились в кадровый состав академических институтов обеих столиц, они стали сотрудниками научных и учебных учреждений разных регионов страны, в том числе самых отдаленных — сибирских, дальневосточных и среднеазиатских. Сотрудничество студентов группы истории Китая с Ленинградским отделением Института археологии, куратора архивной и полевой археологической практики в Сибири (Иркутск) и на Дальнем Востоке (Хабаровск, Уссурийск и Владивосток), имело последствием зарождение и прочное становление в научных центрах востока России новой отрасли изучения прошлого народов азиатского зарубежья — *археологического востоковедения*.

Обращусь к главному: как по прошествии «звериного временного круга», 60-летия, вспоминается студент Женя Кычанов? Несколько коротких реплик, о чем ныне уже мало кто может поведать. Он в «группе 18-ти» выделялся прежде всего блестящими способностями овладения китайским языком — как современным, так и, что было особенно заметно, вэньнянем, — без знания которого невозможно было надеяться проникнуть в суть излагаемого в сред-

невековых летописных текстах. Любовь со школьных лет к истории и литературе отразилась на качестве исполнения им курсовых работ, диплома, а впоследствии впечатляюще сказалась в пристрастии к сочинению просветительских научно-популярных книг на остродраматические сюжеты из истории Китая и соседних с ним территорий. Ему всегда было присуще чувство благожелательно-теплого товарищества, нацеленность на помощь друзьям в сложных жизненных обстоятельствах и деловое сотрудничество с ними.

Это в полной мере отразилось в постоянных контактах с ним всех тех из 18, кто работал вдали от столичных библиотек и архивных хранилищ. Так, новосибирские востоковеды Сибирского отделения АН СССР (а позже — РАН) благодарны Е.И. Кычанову за содействие успешному исполнению многолетней программы издания маньчжурских вариантов летописных хроник «Цзинь ши», «Ляо ши», «Юань ши» и «Мань-вэнь лао-дан». Он с готовностью откликался на приглашения принять участие в издании томов серии «История и культура Востока Азии» по средневековой тематике Китая и прилегающих к нему территорий. То же самое могут сказать востоковеды и археологи Дальневосточного научного центра, в котором с успехом изучалась история Бохая и Золотой империи, а также археологические памятники этих эпох (руководителем исследований был Э.В. Шавкунов, выпускник «группы 18-ти»).

Трудолюбие, поразительная работоспособность и упорство Е.И. Кычанова в достижении поставленных целей сформировались, видимо, уже в школьные годы, определенно упрочились в студенчестве и стали нормой с началом исполнения исследовательских задач в ЛО ИВ АН СССР, куда он был единственным из «группы 18-ти» зачислен по окончании учебы в ЛГУ и аспирантуры младшим научным сотрудником. А далее шаг за шагом, методично и последовательно шел рост научного мастерства, а с ним и восхождение по ступеням того, что называют «карьерной лестницей». И так было вплоть до площадки на вершине пирамиды — заведующего Ленинградским отделением, в котором работали и работают самые, пожалуй, авторитетные в стране специалисты по китаеведению и другим областям классического востоковедения. Е.И. Кычанову досталась тяжелейшая доля — возглавлять институт в «окаянные 90-е», и он, проявляя на сей раз соответствующие моменту административные способности, сделал все возможное (и, догадываюсь, невозможное тоже!), чтобы сохранить его на плаву и сбереечь уникальные кадры сотрудников.

Высокая значимость результатов многолетней работы Е.И. Кычанова подробно представлена во вступительной части сборника. Ясно, однако, одно — эти результаты позволяют причислить юбиляра к разряду тех видных исследователей, кто во второй половине XX в. поддерживал, укреплял и развивал сильные традиции классического русского китаеведения, а также продолжал и (возблагодарим судьбу его!) продолжает их в новом веке. Да продлится это как можно дольше!

А теперь перейду к исследовательской части статьи, археолого-востоковедный сюжет которой касается одной из любимых тем Е.И. Кычанова — ко-

Рис. 1.

Скала святылища Их Тэнгэрийн-ам. Фото автора

чевой империи Чингисидов. Сюжет этот отражен в необычном для историка-востоковеда источнике — наскальном искусстве.

Вводные замечания. Долина р. Толы и расположенные вдоль ее берегов горы, где выстроились кварталы домов современной столицы Монгольской Народной Республики, Улан-Батора, с эпохи каменного века привлекали внимание тех, кто осваивал, а затем капитально обустроивал центральноазиатский регион Евразии, основополагающий на Востоке стержень кочевого мира. К имеющим фундаментальную ценность памятникам относятся открытые здесь первыми исследователями старины, а затем и профессиональными археологами впечатляющий погребальный комплекс выдающегося полководца времени средневековья Тоньюкука, грандиозный памятник буддийской культуры, выстроенный на склонах священной горы Богдо-уул, а из ранних объектов культово-религиозного назначения — два святылища с обширными наскальными изображениями эпохи кочевников раннего железного века — *Хачурт*¹ и *Их Тэнгэрийн-ам* (рис. 1)².

Источники исследования. Святылище Их Тэнгэрийн-ам («Падь Великого Неба»), расположенное в ближайших окрестностях Улан-Батора, на левом берегу Толы, недалеко от резиденции президента республики, является поис-

¹ Окладников, Запорожская 1970, с. 262. Интерпретации см.: Ларичев 2009а.

² Окладников 1962; Окладников, Запорожская 1970; Окладников, Ларичев 1967; Ларичев 1968.

Рис. 2.

Изображения черной тушью монгольского времени:
1 — женщина в характерном монгольском одеянии; 2 — божественная лань;
3 и 4 — онгоны. Копия выполнена художником Ю. Кузнецовым

тине уникальным. Эта уникальность состоит в том, что на скальной плоскости подножия горы Богдо-уул в непосредственной близости одна от другой размещены две *разновременные* композиции. Одна из них относится к *монгольскому времени*, ее составляют выполненные черной тушью изображение женщины, несколько сопровождающих фигур и знаков (рис. 2), а также вертикальные строчки текста, выписанного монгольской скорописью; другая композиция — *раннего железного века*, в нее входят сделанные охрой рисунки животных и так называемых «оградок» — квадратов, заполненных множеством округлых пятен (рис. 1 и 3).

Столь уникальное святилище появилось, вероятно, тогда, когда священнослужители времени, близкого, судя по всему, периоду становления «Небесной империи», обнаружили святилище своих предшественников и, видимо, сочли необходимым зафиксировать такой важный для них факт. На мысль о том, что у скалы около устья Их Тэнгэрийн-ам воздавали хвалу богам именно их дальние предки, наводили, по всей видимости, изображение орла, парящего над квадратом с пятнами (рис. 3; ср. подобие сокола на родовом знамени Чингис-хана с рис. 4), и рисунки отдельных животных, в определенной мере напоминающих мифологическую прародительницу монголов — пятнистую лань, божественную Олун-гоа, «Прекрасную маралуху» (рис. 2, 2).

Композиция монгольского времени. Интерпретация фигур. В статье для «Монгольского археологического сборника», опубликованного АН СССР к 40-летию юбилею Монгольской Народной Республики, руководитель со-

ветско-монгольской археологической экспедиции А.П. Окладников презенто-вал рисунки, выполненные тушью. Главную фигуру композиции (рис. 2, 1) он описал как изображение анфас «женщины, и при этом, бесспорно, монголки по национальности, одетой в типично монгольский костюм — широкий внизу халат с перехватом талии вверху... с висячими украшениями на груди, расположенными ярусами... с косой, высоким головным убором *боктак*, украшенным веточкой наверху. Женщина была обута в характерно монгольские сапоги — *гутулы*, с приостренными носками, чуть загнутыми вверх»³. А.П. Окладников сравнил этот рисунок с описанием облика монгольских женщин в путевых записках европейских путешественников Гильома де Рубрука и Плано Карпини, а также китайских послов южносунской династии Пэн Да-юя и Сюй Тина. Он сделал вывод, что на скале Их Тэнгэрийн-ам сохранился «единственный принадлежащий кисти монгольского художника портрет монгольской женщины XIII–XIV вв. и вместе с тем древнейший образец художественного мастерства монголов. Это универсальный историко-этнографический документ, драгоценный памятник искусства и культуры монгольского периода»⁴.

Поскольку рядом с портретом женщины были изображены «человеческие фигурки», близкие по виду шаманским *онгонам* (рис. 2, 3, 4), и пятнистая лань-прародительница (рис. 2, 2), то А.П. Окладников истолковал женскую фигуру как некую «богиню, может быть дарующую счастье и плодородие, которой поклонялись древние монголы»⁵. Эту интерпретацию он подкрепил предварительным переводом надписи, выполненным Ц. Доржсурэнгом. Она представляла собой вариант традиционной ритуальной молитвы древних монголов — их заклятья и благопожелания: «Силою вечного синего Неба и при помощи великого счастья перед этой скалой преклонимся во имя счастья!»⁶.

Композиция № 1 раннего железного века, ее структуры и числовые значения. Видимо, этот отдел святылища имел особое значение, ибо рисунки, включенные в него, размещаются вверху и на самой обширной из скальных плоскостей (рис. 1 и 3). Организующий центр композиции — четырехугольная структура, сплошь заполненная округлыми пятнами охры. Над четырехугольным обводом «двора» изображена парящая хищная птица, по-видимому орел или сокол. Чуть ниже левого верхнего угла размещаются вертикальная строчка из трех округлых пятен — 2 → 1 (рис. 3, а (1) и горизонтально ориентированный ряд антропоморфных фигур (рис. 3, в (8)). Одна из них, вторая справа — большего роста, чем остальные (рис. 3, б (5)). Левее нижнего левого угла четырехугольника располагается изображение крупного животного (сохранилась лишь задняя половина его тела), по-видимому лося или оленя (рис. 3, д (9)). Голова его обращена влево. Ниже «двора» изображены две фигуры животных, идущих вправо (рис. 3, д (10, 11)), и три антропоморфные фигуры

³ Окладников 1962, с. 70.

⁴ Там же, с. 72.

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 73.

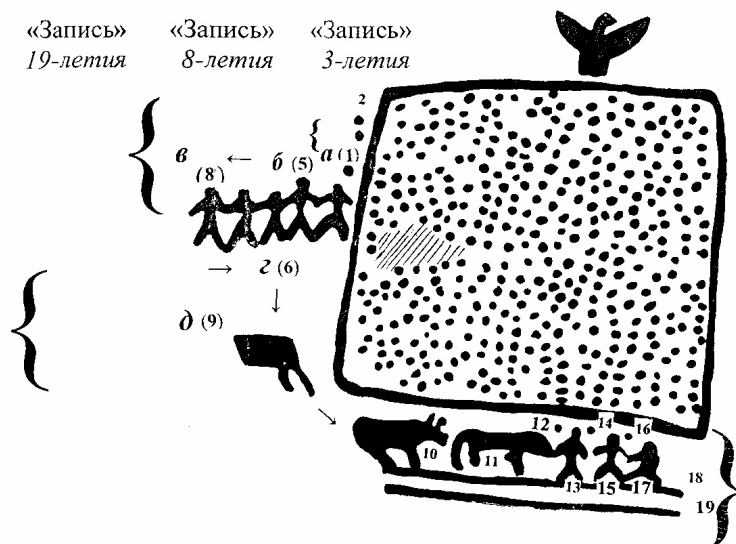

Рис. 3.

Композиция № 1 святилища Их Тэнгрийн-ам:

- a* — 3-й год системы счисления лунного трехлетия; в него интеркалировался дополнительный лунный цикл с целью выравнивания лунного трехлетия с трехлетием солнечным; *b* — 5-й интеркаляционный год восьмилетия (счисление фигур ведется справа налево); *v* — 8-й интеркаляционный год восьмилетия;
- z* — 6-й интеркаляционный год 19-летия (счисление фигур ведется слева направо);
- d* — 9-й интеркаляционный год 19-летия; 12, 15, 17, 19-й интеркаляционные годы 19-летия. Заштрихованный участок внутри «оградки» — зона размещения семи несохранившихся пятен охры

(рис. 3, *d* (13, 15, 17)). Их отделяют одну от другой и от ближайшего зверя три округлых пятна (рис. 3, *d* (12, 14, 16)). Ноги всех пяти фигур опираются на широкую линию, под которой параллельно ей располагается еще одна такой же протяженности линия (рис.3, *d*, соответственно (18 и 19)). Всего символических и образных знаков, исключая парящего орла, — 19.

Интерпретация фигуративных «записей» чисел. Детальное, с подчеркиванием отдельных деталей описание структур сделано мною преднамеренно, ибо в противном случае трудно будет объяснить информационную значимость отдельных чисел, зафиксированных посредством знаков и фигур, размещенных слева и ниже «оградки».

1. **«Запись» системы счисления лунного трехлетия.** Таковой видится вертикально ориентированная строчка из трех округлых пятен охры (рис. 3, *a* (2+1)), расположенных ниже левого верхнего угла «оградки»: два верхних из них отчетливо отделены от нижнего, третьего, свободным от знаков пространством. Такое подразделение «записи» числа 3 сделано, полагаю, преднамеренно: в древнейшем варианте счисления лунного времени два года назывались простыми (их длительность составляла 354 суток), а тре-

тий — эмболистическим, т.е. дополненным 34 днями, $1\frac{1}{4}$ сидерического (смещение Луны на фоне звезд) месяца. Такая интеркаляция позволяла выровнять лунное трехлетие с трехлетием солнечным: 34 суток: 27,32 суток = $1,2445 \approx 1\frac{1}{4}$ сидерического месяца; $(354 \text{ суток} \times 3) + 34 \text{ суток} = 1096 \text{ суток}$: $365,242 \text{ суток} = 3,000750 \approx 3$ солнечных года.

2. **«Запись» системы счисления лунно-солнечного 8-летия.** Количество счетных элементов, пятен — 3 и антропоморфов — 5 (рис. 3, в (3+5)), размещенных около левого верхнего угла «оградки» (всего знаков 8), и примечательное варьирование высоты фигур (две правые чуть более высокие, чем три левые) позволяют усмотреть в «записи» систему счисления времени в течение лунно-солнечного восьмилетия. Этот цикл, хорошо известный жрецам ранних цивилизаций Восточного Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока, был примечателен остроумной попыткой совместить целочисленные периоды обращений трех светил — Луны, Солнца и ярчайшей из планет неба — Венеры.

Время в течение 8-летия отслеживалось по годам лунным с подключением в третий, пятый и восьмой годы интеркаляционных циклов, 34, 22 и 34 суток соответственно. Как можно убедиться, именно эти годы оказываются четко выделенными в «записи»: третий год определяет одиночное пятно а (рис. 3, а (1)), пятый — более высокий антропоморф б (рис. 3, в (5)), а восьмой — последний из антропоморфов в (рис. 3 в (8)). Интеркаляция в 8-летие $(34+22+34 = 90 \text{ суток})$ приводит к тому, что в периоде такой длительности оказывается целое число синодических (смещение Луны относительно Солнца) месяцев — 99. По расчетам календаристов, длительность каждого из 51 месяца принималась равной 30 суткам, а каждого из остальных 48 месяцев — 29 суткам, что ликвидировало дробность в счислении суток: $(51 \text{ синодический месяц} \times 30 \text{ суток}) + (48 \text{ синодических месяцев} \times 29 \text{ суток}) = 2922 \text{ суток}$.

Но именно такое количество дней составляют 8 солнечных лет и 5 синодических (относительно Солнца) оборотов Венеры:

$2922 \text{ суток}: 365,242 \text{ суток} = 8,0001 \approx 8$ солнечных лет;

$2922 \text{ суток}: 583,9 \text{ суток} = 5,0042 \approx 5$ оборотов Венеры.

Видимо, столь редкостное в гармоничной красоте календарно-астрономическое обстоятельство предопределило конструкцию оберега — ожерелья царей Месопотамии, а именно включение в него лишь трех подвесок — символов Луны, Солнца и Венеры.

3. **«Запись» системы счисления лунно-солнечного 19-летия.** Из всех известных систем счисления, ориентированных на выравнивание лунного потока времени с потоком времени солнечным, почти идеальной (максимально возможной) точностью отличается 19-летний период (в истории календаристики известен как «Цикл Метона»; по письменным источникам появление его астрономы относят к середине V в. до н.э., а по астроархеологическим сведениям — к эпохе верхнего палеолита)⁷. Коротко говоря, суть оптимальности счисления времени лунно-солнечными 19-летиями сводится к тому, что

⁷ Подробно см.: Ларичев 1996; 1998.

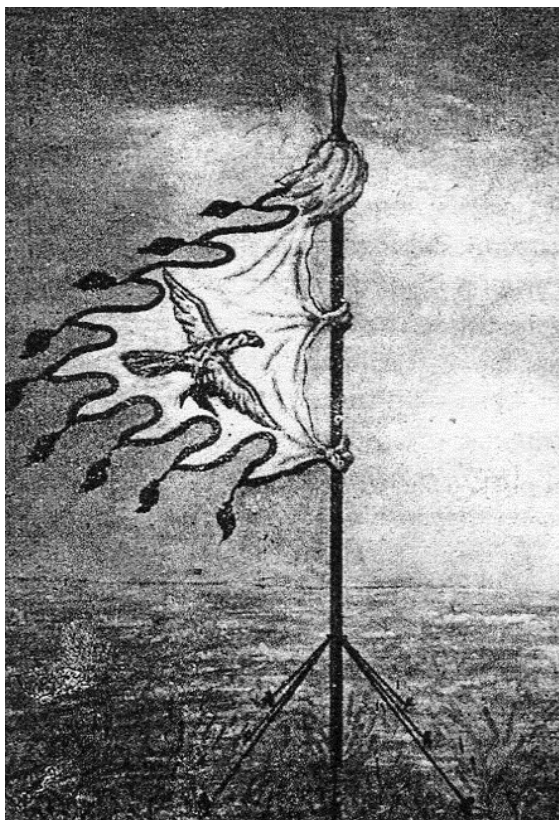

Рис. 4.

Родовое знамя Чингис-хана. Серый кречет, несущий жертву — ворона, хранителя рода Чингис-хана. Рисунок сделан по описанию знамени в «Сокровенном сказании»

целое число синодических месяцев (235) составляет такое же количество суток, какое составляют 19 солнечных лет:

235 синодических месяцев × 29,5306 суток = 6939,689 суток;

19 солнечных лет × 365,242 суток = 6939,602 суток.

В таком случае несоответствие (*превышение*) лунного времени над временем солнечным составит *2,1 часа* и, значит, достигнет *1 суток* лишь по истечении *219 лет* (тогда, допустим, *полнолуние в день летнего солнцестояния*, которое наблюдалось *более двух веков назад*, сместится на *1 день вперед*).

Чтобы все изложенное произошло в реальности, следовало на протяжении *19 лунных лет в семь из них интеркалировать добавочные, 13-е месяцы*. Таковыми годами, по мнению современных астрономов и календаристов, были следующие порядковые номера годов: *3, 6, 9, 12, 15, 17 и 19*.

Количество знаков и образов, размещенных вдоль левой и нижней сторон «оградки», составляет число *19*: *3 (пятна) → 5 (антропоморфы) → 1 (живот-*

ное) → 2 (животные) → 3 (антропоморфы) → 3 (пятна) → 2 (параллельные линии), что со значительной долей вероятности *следует воспринимать художественно-знаковой «записью» цикла Метона.*

Установим теперь особо важное в этой «записи» — какие знаки определяли *лунные годы*, длительность которых составляла не 12, а 13 *синодических* месяцев: № 3 — пятно; № 6 — антропоморф *г*; № 9 — частично сохранившаяся фигура животного; № 12 — пятно; № 15 — антропоморф; № 17 — антропоморф; № 19 — нижняя из двух параллельных линий.

4. **«Записи» систем счисления синодических оборотов Сатурна и Юпитера.** В завершение интерпретации композиции № 1 определимся с самым, пожалуй, загадочным в ней — что призваны были отразить пятна, размещенные в пределах «оградки»? Большое количество их подталкивало к мысли, что они символизировали сутки то ли *лунного* (354), то ли *солнечного* (365) года. Подсчет знаков не оправдал, однако, такое предположение — *в пространстве квадрата находилось 371 пятно*, что близко совсем иному календарному циклу, *планетарному*, а именно — *длительности синодического оборота самой дальней из «блуждающих звезд» небосвода — Сатурна (378,1 суток).* Поскольку левее центра квадрата размещался разрушенный участок поверхности скалы (см. на рис. 3 заштрихованную часть поля; ср. это место с рис. 1), то, надо полагать, *первоначально знаков в «оградке» было 378.* В связи с этим стоит обратить внимание на не менее примечательное обстоятельство: при суммировании количества знаков в квадрате с количеством знаков на периферии его $[19+1 \text{ (орел)} = 20]$ *получим число, близкое длительности синодического оборота второй дальней планеты небосвода — Юпитера: 378 сут.+19 сут.+1(орел) сутки = 398 ≈ 398,9 суток!*

Краткие итоги поиска. Числовые составляющие структур композиции № 1 святылища «Падь Великого Неба» засвидетельствовали высокий уровень астрономических знаний, совершенство систем счислений *лунного* и *солнечного* времени в разной продолжительности многолетий, а также осведомленность в арифметике и умение совершать сложные числовые операции, когда постоянно приходилось иметь дело с неудобными для ведения вычислений дробными календарными величинами. Расшифровка всего лишь одной композиции святылища подтвердила выводы, которые были сделаны в ходе раскрытия информационной значимости сходного стиля композиций святылища Хачурт, расположенных в долине той же реки Толы и датированных тем же временем⁸.

Естественный вопрос: являются ли обширные в астрономии и календаристике знания жречества культуры железного века Монголии наследием более ранних культур региона или это бесценное богатство усилий ума привнесено извне (первое, что напрашивается — конечно же, из всегда все цивилизующей Поднебесной, Китая)? Полагаю, что истину отражает отнюдь не *второе*, а *первое* предположение. Такое утверждение подтверждают астрального характера наскальные изображения святылищ предшествующей культурной эпохи

⁸ Ларичев 2009а.

Монголии — *времени бронзового века*⁹. И о том же весомо свидетельствуют факты зарождения интереса к Небу и светилам в культурах *верхнего палеолита* юга Восточной и Западной Сибири, близкого северным окраинам Монголии¹⁰.

Анализ составляющих композицию № 1 святилища «Падь Великого Неба» знаков и образов в числовом аспекте подтвердил их *космическую, пространственно-временную* информативность. Особое волнение вызывает напрашивающийся вывод о том, что *в образах людей, крупных копытных животных и орла отражались идеи древних о живых воплощениях на Земле небесных богов* — «блуждающих» (т.е. смещающихся по небосводу, а значит, «наделенных жизнью») светил: *Луны, Солнца* и по меньшей мере трех планет — *Венеры, Юпитера и Сатурна*. Это они творили самое интригующе-загадочное чудо природы — *Время* и определяли *ритмы всех аспектов бытия* кочевников раннего железного века Центральной Азии.

Литература

- Ларичев 1993 — *Ларичев В.Е.* Лунные и солнечные календари древнекаменного века // Календарь в культуре народов мира. М.: Восточная литература, 1993, с. 38–69.
- Ларичев 2006 — *Ларичев В.Е.* Ленский дракон и Время (астрономический, календарный и космогонико-мифологические аспекты семантики панно с чудовищем, которое вознамерилось проглотить Мироздание) // Древности Якутии. Искусство и материальная культура. Новосибирск: Наука, 2006, с. 102–136.
- Ларичев 2007 — *Ларичев В.Е.* Небожители: космическая охота со сворами собак (опыт интерпретации каноничных сюжетов наскального искусства эпохи бронзы) // Алтай-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул: Издательство Барнаульского государственного университета, 2007, с. 105–109.
- Ларичев 2009а — *Ларичев В.Е.* Панно изображений богов и «Записей» Времени. «Прочтение» знаково-образных «текстов» святилища *Хачурт* (реконструкция однолетних и многолетних систем счисления лунно-солнечных циклов в культуре палеометалла Центральной Азии) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. III. Барнаул: Издательство Барнаульского государственного университета, 2009, с. 86–104.
- Ларичев 2009б — *Ларичев В.Е.* Реконструкция систем счисления времени на раннем этапе верхнего палеолита Сибири и проблема происхождения искусства (по материалам поселения Малая Сья) // Астроархеология — естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии. Красноярск: Издательство «Город», 2009, с. 107–133.
- Ларичев 2010 — *Ларичев В.Е.* Открытие на Алтае знаковой «записи» лунного цикла переходной эпохи от мустье к верхнему палеолиту (к проблеме зарождения в древнекаменном веке Сибири искусства, протонауки и астральной религии) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2010, с. 12–16.
- Ларичев, Аннинский 2005 — *Ларичев В.Е., Аннинский Е.С.* Древнее искусство: знаки, образы и Время. Медведь, мамонт и змеи в художественном творчестве палеолита Сибири

⁹ См.: Ларичев 2006; 2007, с. 127–133, рис. 15–17.

¹⁰ См., к примеру: Ларичев 1993; 2009б; 2010; Ларичев, Аннинский 2005; Ларичев, Липнина, Медведев, Кагай 2009.

- (семантические реконструкции). Новосибирск: Издательство СО РАН, Филиал «Гео», 2005.
- Ларичев, Липнина, Медведев, Кагай 2009 — Ларичев В.Е., Липнина Е.А., Медведев Г.И., Кагай С.А. Ангарский палеолит: у истоков «художественного творчества» ранних *Homo sapiens* Восточной Сибири и начало обретения ими протонаучных знаний о Природе // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937. Иркутск: ООО «Амтера», 2009, с. 249–264.
- Окладников 1962 — Окладников А.П. Древнемонгольский портрет, надписи и рисунки на скале у подножия горы Богдо-уула // Монгольский археологический сборник. Посвящается славному 40-летию Монгольской Народной Республики. М.: Наука, 1962, с. 68–74.
- Окладников, Запорожская 1970 — Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. Л.: Наука, 1970.
- Окладников, Ларичев 1967 — Окладников А.П., Ларичев В.Е. Археологические исследования в Монголии в 1964–1966 гг. // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук, № 6. Вып. 2, 1967, с. 80–91.